

Юлиан Калвер

МЫ ИЗ СТРОЙБАТА

часть 1

Юлиан Калвер

Мы из стройбата

«Мультимедийное издательство Стрельбицкого»

Калвер Ю.

Мы из стройбата / Ю. Калвер — «Мультимедийное издательство Стрельбицкого»,

Все персонажи и события в этой книге вымышленные, любые совпадения чисто случайные. Хотя, если кто-то из бывших стройбатовцев вдруг вздрогнет, читая это... Но — нет, нет, померещилось, не было такого. Не было! Автору так же не нравятся многие слова и выражения, которыми он был вынужден пользоваться при повествовании, и он является горячим противником применения их в быту, но ведь книга не о консерватории, ей Богу!

© Калвер Ю.
© Мультимедийное издательство
Стрельбицкого

Содержание

ПРОЛОГ	6
ПРОВОДЫ	10
МУРЧИК	28
Конец ознакомительного фрагмента.	33

Юлиан Калвер

Мы из стройбата

Посвящаю маме

Вертелецкой Екатерине Дмитриевне

ПРОЛОГ

– ...На той же кочке подпрыгнул и автобус...

– Механик три тысячи седьмого, ответьте Гаёвке! – в ночной темноте кабины поездного тепловоза, надрывно тянущего состав с углём прямо на висящую низко над рельсами огромную полную луну, пронзительно пропищав сигналом вызова, молодым женским голосом перебила в ключья изжевавшего фильтр сигареты помощника машиниста рация.

– Это не Жанка, – пожилой машинист перевёл взгляд с горящих в лунном свете, как две раскалённые добела струны, рельс на взволнованного рассказом помощника, – или мне кажется? Ответь ей.

Помощник наклонился и взял трубку рации:

– Пятьсот девяносто, Зуев, слушаю.

– Механик, диспетчер спрашивает: без толкача проскочим?

– Проскочим? – помощник посмотрел на машиниста. Тот покачал головой:

– Скажи, что нет.

– Нет, – выдохнул в трубку помощник, – тяжело. Фёдорович, включайте коды.

– Рано, включу за переездом. Точно не Жанка, – машинист улыбнулся, – вечно я их путаю. Это баба Тамара, ей уже на пенсию скоро, а голос как у девушки. И сама ещё ничего.

– Диспетчер думал, что вы без толкача проскочите, – потрещав песком атмосферных разрядов, голосом девушки сказала рация.

– А ну дай мне, – машинист взял трубку. – Тамара!

– Да, Фёдорович, я слушаю!

– Если б твой диспетчер действительно думал, то толкач уже на станции стоял бы и ждал. У меня пятьсот тонн лишних.

– Ну и что? У Хашенко семьсот лишних было, но он поехал. Я ему номер толкача сказала, он в маршрут записал и поехал. И Добрецов поехал, и Перегняк...

– Во привыкали, – качнул головой машинист и нажал тангенту. – Тамара, норма – две восемьсот, а у меня три триста тонн с гаком. Мне три года до пенсии осталось, и жечь тяговые двигатели из-за дурака-диспетчера я не буду. Так ему и скажи.

– Чего жечь, не погорят, все ездят, – трещала рация, – у Хашенко же не сгорели.

– И что он заработал, этот Хашенко? Ничего! А если б погорели, какой бы у него геморрой был? То-то! Скажи, что нужен толкач.

– Механик, на третий путь с остановкой, – после недолгой паузы сказала недовольная рация, – и ждём толкача. Если не проскочим сейчас, то ждём долго. Сперва пропускаем чётный, потом дизель, потом ещё один чётный, а потом приму толкач. Фёдорович, диспетчер не доволен.

– А кто там сегодня?

– Мухина.

– Понятно. Скажи, пусть в журнале приказ запишет, а мне номер скажешь. Как запишет, так и поедem.

– Какой приказ?

– На следование без толкача.

– Фёдорович, ты что, смеёшься?

– Нет. Просто плакать потом не хочу.

Рация запищала сигналом вызова, и далёкое сопрано сквозь треск помех пропело:

– Механик толкача по пятому пути, я – Семёновка, ответьте!

Тишина.

– Механик толкача, я Семёновка, ответьте!

– Слушаю, – после довольно продолжительной паузы сонным баритоном отозвался «толкач».

– Что, спите?

– У вас поспишь с такими стрелочницами.

– О, это Обморок Олег сегодня на толкаче, – прислушавшись, сказал машинист, – со мной помощником ездил. Бабник, каких свет не видел. Небось опять вагонниц щупал. Есть там одна такая, что у-ух! Разведёнка...

– Он сказал, стрелочниц.

– Ему всё равно.

– Механик, подкинете зерновозы под элеватор – и резервом на Гаёвку. На элеватор маршрут готов, – без выражения пело сопрано Семёновки.

– А составитель? – сонно баритонил в ответ Обморок.

– Составитель на хвосте. И ещё подвинете им цистерну с мазутом, хорошо?

– И всё?

– Не поняла!

– И всё, спрашиваю?

– Ну, там ещё думпкары по тупичку заберёте и пару «больных» на депо поставите, составитель знает.

– Как обычно. А нахрена они мне нужны, думпкары ваши? У вас свой маневровый есть, а я – толкач!

– Диспетчер сказал. А какие ко мне вопросы? И тюремную бочку из-под воды откинете на шестую, понятно? А потом по седьмой заберёте порожняк на Гаёвку, там вас ждёт поезд. Поняли?

– Говорила, резервом.

– Туда семь порожних.

– Восьминогих?

– Нет, платформ.

– Понятно.

– Верно, выполняйте.

– Верно, выполняю. Пусть Верка придёт, справку напишет.

– Придёт Иван Георгиевич. Верка говорит, что видеть вас не хочет. Плохо себя ведёте.

– Зараза.

– Что? Не поняла. Повторите!

– Верно, выполняю, говорю. Составителя вижу. Где стрелочница, кто сигнал давать будет?

– Сейчас я покричу по громкой...

Рация умолкла.

– Ваш помощник из отпуска выходит, и меня на следующий месяц на этот толкач садят, – сказал помощник, – коды!

Машинист щёлкнул тумблером.

– Включил. К Обмороку?

– Не знаю, наверное. Предупредительный жёлтый, мигает.

– Моргает, вижу.

Рация опять запищала.

– Механик нечётного, я – Гаёвка.

Машинист взял трубку:

– Зуев, слушаю.

– Фёдорович, слышал? Толкач по Семёновке манёвры делает.

– Слышал. Вместо того, чтоб тяжёлые выталкивать. Значит два, а то и три часа будем стоять.

– Будете.

– Во, порядок в стране – вывозники маршруты таскают, толкачи вывозку развозят, а поездики или нарушают, или стоят. Долго такая страна проживёт?

– Не ругайся! Диспетчер спрашивает: может, поедете?

– Только с толкачом.

– Говорит, домой не успеете, по Красной спать положат.

– Положат – не посадят. Скажи: стоим, ждём толкач. Или скажи: пусть меня по рации вызовет и сама скажет.

– Что ж она, ненормальная такое говорить? Все её переговоры на магнитофон пишутся.

– Ага, а если что, то я должен крайним оказаться, да? Значит, ждём толкач. Нам спешить некуда.

– Тогда приходи, чайку попью.

– Да нет, спасибо, в другой раз.

– Небось, если б Жанка дежурила, ты б не отказался.

– Если б Жанка дежурила, помощник сходил бы. А я уже нет, по Жанкам не хожу – ноги болят.

– У тебя Женька помощник сегодня?

– Женьку на месяц сняли, на канаве работает. Новый у меня помощник, молодой парень, недавно из армии пришёл. Раз никуда не едем, то мы здесь, у себя пока позавтракаем и поболтаем. Он мне тут такие страсти рассказывает...

– Про Афганистан?

– Нет, про Советский Союз и советский стройбат.

– Тогда приятного аппетита, – сказала обидевшаяся, что пренебрегли её обществом, дежурная.

«Вот гад, – подумала она, – двадцать лет как ни остановка, так и бегал, а тут вдруг ноги заболели...»

А машинист сказал: «Спасибо», – повесил трубку на рычаг рации и посмотрел на по-прежнему жующего сигаретный фильтр помощника. – Ну что, рассказывай дальше.

– Входной – два жёлтых, – сказал тот.

– Жёлтых.

Тепловоз качнуло на стрелках.

– Выходной – красный, – сказал помощник и встал.

– Угу.

– Следуем под красный. Скорость за триста метров – не более двадцати, за пятьдесят – не более трёх.

– Ты эту болтовню для инструктора побереги, это я как Отче наш знаю, всю жизнь про это слушаю, миллион раз слышал. А вот про что ты только что рассказывал – такого никогда. Слышал, что в стройбате весело, но чтобы так... Ты лучше доставай тормозок, садись и рассказывай дальше. Да, такого я никогда не слышал. У нас теперь времени ой-ё-ёй, – машинист взглянул на часы, – дизель аж в полпятого, а за ним пока толкач доедет, ты мне многого порассказать успеешь. Только про автобус – это как-то грустно, даже не по себе мне как-то. А вот про «музыки не было и торжественности тоже» – это понравилось. У меня тридцать лет назад почти так же было. Давай маршрут, я сам запишу прибытие. Так, – машинист посмотрел на часы, – три ноль две.

Поезд остановился. За стеной, в машинном отделении, загремел включившийся компрессор. Помощник выбросил в окно изжёванный погасший окурок и снова закурил. Машинист перевернул маршрутный лист и посмотрел на оборот.

– Во! По Бутылкино забыли отметить, штампик поставить. На обратном пути, если остановимся, надо бы не забыть, сбегать и ляпнуть, а то получится, что мы там на халяву манёвры делали. А ты начинай, начинай, как там? «Эх, выдыхая адский перегар», – да?

– Механик чётного дизеля, я – Семёновка! – ожила рация.

– Ж... м... х... ...ов ш... х... ...ушаю.

– Принимаетесь на второй свободный, сигналы открыты.

– Гр... ...ит ш... ш... х...

– Верно, механик, выполняйте. И девочка выйдет, пакетик заберёте...

– Ф... ф... нот... пи... х... х...

– Всё шутите? Нет, не с кокаином.

– Вы... ш... х...

– Да, молодая!

– Х... ш... р... э... ш...

– Да, красивая!

– Ш... х... ш... ...эх! Эх!

ПРОВОДЫ

– Эх, разве это проводы? – выдыхая адский перегар, разочарованно прошептал в чьё-то первое подвернувшееся в галдящей полупьяной толпе волосатое ухо сморщенный и высохший, как таранка, с трясущимися руками и головой, дедушка призывника Шубина. – Вот раньше в армию провожали торжественно, с музыкой, не то, что сейчас. Скажи?

Хозяин уха, пришедший проводить в армию своего внука, – крупный, лысый, глуховатый, сонный старик в клетчатой безрукавке, застёгнутой впопыхах на одну, и то не на ту, пуговицу, показывающий всему миру свой круглый, как мяч, загорелый живот, посмотрев на часы, невпопад ответил: «Да, точно, именно шесть часов», – и для убедительности показал дедушке Шубина часы.

Дедушка с непониманием посмотрел на чужие часы, потом на вытатуированный жирными синими линиями, чуть выше их, почти у самого локтя, якорь, заинтересовался, забыл, о чём спрашивал, шевеля губами, прочитал криво написанные по обеим сторонам якоря загадочные синие имена «Вася» и «Дульсинэя», сказал: «Да, красиво!», – согласно кивнул и, добавив: «Но музыки-то нету!», – смачно, со страстным мычанием, зевнул во весь рот.

И правда, музыки не было. Торжественности тоже. А было утро. Яркое и светлое июньское утро.

– Тихо ты, – одёрнул его хозяин якоря, – начальство вышло, наверное, говорить будет, – и он подслеповато уставился на вышедшие гуськом из полуоткрытых синих с красными звёздами ворот районного военного комиссариата две фигуры в армейской форме.

Вышедший первым небольшой невзрачный капитан равнодушно окинул взглядом толпу провожающих, потом с любовью взглянул на свои большие и модные наручные часы, оглянулся и уже без любви посмотрел на по-медвежьи топчущегося за его спиной тучного красного майора, серьёзно озабоченного тем, что пять минут назад, при выходе из своего кабинета, он с размаху зацепился за ручку двери и с мясом оторвал карман кителя.

Капитан глубоко вздохнул и, плохо выговаривая «р», произнес:

– Пора!

Оторвавшись от увлекательного дела – прилаживания на место карманных лохмотьев – полностью погруженный в это занятие майор удивился, широко раскрыл свои всё норовящие закрыться малюсенькие сонные глазки и, некрасиво оттопырив нижнюю губу, внимательно осмотрел капитана, вернее, его лицо, которое было того цвета, что в британских ВВС времён Второй мировой войны назывался «землистый, тёмный».

– Уже пора? – сделав губой возвратно-поступательное движение, переспросил он.

Капитан утвердительно кивнул головой. Майор тоже кивнул и, сделав губой на этот раз колебательное движение из стороны в сторону, проговорил:

– Тогда сейчас скажу.

Он, собираясь с мыслями и не то медленно просыпаясь, не то приходя в себя от горя по поводу порчи кителя, потоптался на месте, а проснувшись, прикрыл рукой от любопытных глаз как будто собаками рваный карман, ласково его погладил, запрыгнул на высокий недавно побеленный бордюр, подобрал губу и внезапно во всю глотку гаркнул:

– Товарищи призывники и их провожающие!

Не ожидавший от майора таких трубных звуков, капитан вздрогнул и одобрительно кивнул головой, а толпившиеся у ворот военкомата призывники, числом пять, и их провожающие, человек тридцать-сорок, вздрогнули, выжидательно уставились на майора, дружно, как по команде, открыли рты и тревожно затихли. Ободренный всеобщим вниманием майор обвёл взглядом толпу, набрал полные легкие воздуха и открыл рот, чтобы начать речь, но не смог, потому что среди обратившихся в слух провожающих двоюродный дядя призывника Василия

Клюева, широко улыбаясь и этим демонстрируя общественности отсутствие пяти зубов в ряд, шипя воздухом в это самое отсутствие, громко прошумел:

– Дефуфшка, мофжет, фам налить?

Стоящая возле дяди, слегка качающаяся улыбчивая худосочная девица с испорченными кариесом зубами и обширным бланшем под правым глазом, согласно, по-птичьи пискнула и, конфузливо улыбаясь, скосила глазки.

– Това... – майор поперхнулся воздухом, захлопнул рот и возмущенно вытаращился сперва на сбившего его с мысли дядю, потом на «дефуфшку».

На дядю зашикали.

– Фшделаем! – не обратив внимания на негодование провожающих, сказал дядя, достал из внутреннего кармана серенького, в пятнах, миршавенького пиджачка зелёного стекла бутылку, выдернул зубами свёрнутую из газеты пробку и, горя глазами, как кот, стараясь от нетерпения души не греметь горлышком об извлечённый из кармана мятых брюк тёплый стаканчик (каковой в кругах торговек семечками имел название «маленький», а среди любителей выпить был известен как «эталонный»), наполнил его и протянул девице.

Та, изо всех сил делая вид, что стесняется, взяла стаканчик двумя пальчиками, отставила в сторону локоток и, шкодливо поозиравшись по сторонам, неожиданно лихо «тяпнула». Дяде показалось, что в этот момент она коснулась макушкой лопаток. Он искренне восхитился, показал девице большой палец и громко удовлетворенно крикнул. От этого «кряка» собравшийся было с духом майор потерял нить будущего выступления и, бекнув: «Това...», – отвесил губу и как-то неловко пикнул.

На дядю опять зашикали, но он только отмахнулся:

– Ефщё? – не выпуская бумажной пробки из зубов, спросил он.

Девица сконфузилась ещё пуще.

– Му, – она пошаркала обутой в белую сплетённую из дерматиновых полосочек сандалию ножкой, – му, если вам не тпрууудно...

– Нетфрудно! – быстро, отчетливо, громко и с выражением произнес дядя, чем опять вызвал захлопывание рта у майора и шумное, на этот раз уже с матюками, справедливое негодование приготовившихся слушать его провожающих.

Дядя налил.

– Товарищи призывники и их провожающие! – после некоторой паузы, потоптавшись и подёргав карманные ключья, торжественно вновь начал майор.

Девица превратила рот в птичий клюв, нежно прикоснулась им к краю стаканчика, запрокинула голову и высосала всё, что было в него налито. Дядя проводил взглядом содержимое стаканчика до полного его исчезновения, снова крикнул и, подогреваемый азартом, заговорщицки поглядел на короткую девицыну юбку.

– А ефли ефщё?

Девица подняла глаза к белёсому от вчерашнего зноя небу и сделала вид, что ненадолго задумалась.

– Му, даже не знаю, – она ещё пошаркала сандалией по асфальту, прислушиваясь к организму, – му, пожалуй...

Дядя крикнул и спешно бросился наливать. Майор затих, и посмотрел на него так, как смотрят в зоопарке посетители на справляющую нужду обезьяну. Капитан сказал:

– Безобразие!

– Да прекратите вы или нет? – взнегодовала мама Клюева. – Витька, не молчи!

– Петька! Опять ты наш самогон разбазариваешь? – выглянул из-за мамы и затряс чубом пьяный Клюев-папа. – Прекращай!

Дядя струхнул и спрятал голову в плечи, прикрывши полый куцего пиджачка снова наполненный до краёв стаканчик.

– Товарищи призывники и их провожающие! – вновь начал майор, но ему не суждено было закончить.

Его речь опять прервал посторонний шум. Это, оторвавшись от забора, с печальным шорохом, с каким падают на землю жёлтые осенние листья, на асфальт упало тело пьяного папы призывника Мурчика. Тот час же к упавшему, жалобно вскрикнув, шепча под нос плохие слова и стесняясь посторонних, бросилась Мурчикова мама. Она схватила обмякшего супруга за тщательно испачканный мелом пиджак и принялась его поднимать, озираясь при этом по сторонам и злобно приговаривая:

– Вставай, скотина! Вставай, проклятый кровосос! Вставай! Сына в армию забирают, а ты так нажрался! Позорище! Пойди хоть попрощайся по-человечески, свинья!

Тот, кого справедливо называли вслух кровососом, свиньёй и скотиной, а про себя ещё и похлеще, честно сделал попытку встать, но не смог. Он лишь с третьей попытки поднялся на четвереньки и стал громко и часто икать, сотрясаясь при этом так, что его руки то упирались в асфальт, то отрывались от него на пять-десять сантиметров.

– Вставай, ну, скотина!

Слегка подавив икоту, папа протянул в сторону ожидавшего призывников автобуса ПАЗ указательный палец и, назидательно им вращая, глотая согласные и брызгая слюной, возвестил:

– Лёха! Не вздумай там, эк! – руки папы Мурчика на секунду оторвались от асфальта и повисли в воздухе, – в армии, э – эк! Отца родного позорить, и... мать твою, – добавил он после приземления и от души исполненного подзатыльника супруги, – не смей!

– Во алкафш, нафжрался, а? – восхищённо глядя на Мурчикина родителя, наливая в только что опорожнённый стаканчик, спросил у девицы дядя Ключев и, произнеся звук «Ы?», – призывно поднял стаканчик до уровня её бровей.

– Что, опять пи-ить? – скривилась девица. – Покурить бы!

– Курифть – фдоровью фредифть! Капфля никофтина убифает лоффафдь. А это – лекафрсфтьво! – убеждённо сказал дядя и для убедительности покачал стаканчик. – Эх! Гу! – он выпил сам, крикнул, налил и опять сунул стаканчик под нос девице, – ы?

– Ну, пожалуй... – еле-еле ворочая языком, согласилась та.

Капитан терпеливо до конца дослушал напутственную речь подпрыгивающего, как раненая саранча, папы Мурчика, недобро посмотрел на дядю Ключева, перевёл взгляд на голые, худые, с трясущимися коленками, волосатые, с рыжикой, ноги девицы, не оценил, покачал головой и неожиданно для тучного майора, в десятый раз собиравшегося начать толкать традиционную для проводов, проникновенную напутственно-патриотическую речь, гаркнул:

– Всё, хватит! Закончили провода! Все здесь, пятеро? Призывники – в автобус!

Хоть этого момента и ждали, но все провожающие, вроде как от неожиданности, на мгновение замерли в тех позах, в каких их застала эта фраза. Девицы коленки сразу перестали трястись, мама Мурчика замерла с открытым ртом, его папа на четвереньках подпрыгнул и как бы повис в воздухе, а дядя Ключев застыл с налитым и в вытянутой руке протянутым девице «эталонным» стаканчиком. Девица протянула было за ним руку, но тоже застыла. На мгновение все поучаствовали в немой сцене, а затем провожающие все одновременно решили наговориться с призывниками и нацеловаться на ближайшие два года – и устроили толчею и невообразимый галдёж, который разнообразием воплей и фраз не отличался:

– Ы!

– Му!

– Ы! Ы!

– Ой, сынок, сынок!

– Игорь, пиши чаще!

– Вася, держись! – и прочая ерунда, причём конкретно за что держаться Васе – не сообщалось.

Подождав с полминуты, капитан подергал за козырёк свою давно и часто ношенную, с пыльным пятном посередине, фуражку и, расталкивая объемистым жёлтым портфелем толпу, начал пробираться к призывникам, решительно, на корню пресекая возражения, выдирать их из рук провожающих и толкать портфелем к автобусу. Послушные, как овцы, призывники, едва зайдя в автобус, сразу же по пояс высывались из открытых окон и уже так продолжали прощание со всхлипывающими провожающими. Невесты, визжа, высоко подпрыгивали, пытались облобызаться напоследок со своими стриженными наголо и уезжающими невесть куда приятелями.

Капитан полюбовался на ноги скачущих у автобуса невест, у которых при приземлении нахальный воздух игриво приподнимал коротенькие юбочки, и вздохнул. Потом он оторвал от семьи и затолкал в дверь увлечшегося прощанием последнего из призывников и, крикнув майору: «Все!», – собрался и сам туда же зайти, как ему преградил путь дядя Ключева, с полным стаканчиком наперевес, диковатой улыбкой на половину лица (почему-то только на левую), и конкретным вопросом: «Ы?»

Разомлевшему дяде хотелось душевного разговора, но так как к этому времени его подшефная девица уже представляла из себя неодушевленный предмет, дядю потянуло к кому-нибудь еще. Подвернулся капитан. Дядя сделал к нему два решительных шага, покачал стаканчик и ещё раз спросил: «Ы?» – но тот с негодованием отодвинул от дверей портфелем хлебосольного представителя провожающих и в один прыжок запрыгнул в автобус.

Дядя с недоумением посмотрел капитану вслед. Он первый раз за свои пятьдесят лет увидел, как отказываются от халявной выпивки. Он пожал плечами, оглянулся и оживился, увидев, что его уже минут десять как знакомая девица, до того стоявшая столбом, любезно прислонённая кем-то к красной звезде на створке военкоматовских ворот, подала признаки жизни и пошевелилась. Дядя широчайше заулыбался и показал девице стаканчик: «Ы?»

Та лишь скромно кивнула и потупилась.

Красный майор, так и не сумевший сказать призывникам ничего напутственного, посмотрел сперва на дядю, потом на девицу, потом на часы, схватился за голову, спрыгнул с бордюра, протолкался сквозь галдящую толпу к автобусу и показал на часы капитану.

– Уже едем, едем, – кивнул капитан, – не волнуйтесь, успеем.

– Я не за то. Что-то машины с гробом нету, а позвонили, что час назад вышла.

– Из Афгана гроб?

– Нет, из Германии. Срочник, артиллерист. Соседки моей сын.

– Неужели Клавкин?

– Типун тебе на язык, Клавкин! Нет, со второго этажа. Старого военкома племянник.

– Да ну!

– Да. Полгода до дембеля оставалось, а он под тягач на полигоне попал. Что ж, будем ждать. А вы езжайте, езжайте уже! А вот и они едут! Езжайте!

– Есть! – сказал капитан и посмотрел на вынырнувший из-за угла, заставляющий своим гудением дребезжать оконные стёкла в окрестных домах новенький бортовой ЗиЛ-131.

В кузове ЗиЛа, вокруг стоящего посередине цинкового гроба, на прикрученных к бортам сидениях напряжённо сидело шестеро молодых солдат в красных погонах, и полулежал расслабленный, с окурком в зубах, закинувший ногу на задний борт узкоглазый сержант. Из кабины ЗиЛа сонно выглядывал улыбчивый, пьяненький, краснощёкий майор-артиллерист в сбившейся на бровь фуражке – сопровождающий гроб представитель части, и через лобовое стекло приветливо махал рукой старший лейтенант Стецюк, ещё зимой переведённый в облвоенкомат и до сих пор остававшийся должен капитану три рубля.

«Козлюк, – подумал капитан и присмотрелся. – Во, уже и капитана получил!»

Он вышел из автобуса, взмахнул в приветствии рукой, а затем сделал пальцами международный жест: «Мани! Деньги!» – и похлопал себя по карману. Свежеиспечённый капитан

Стецюк в кабине остановившегося у закрытых ворот ЗиЛа соорудил тупо непонимающее лицо, а тучный майор забежал у его бампера, криком пробуя отогнать топчущегося у ворот дядю Ключева и прилипшую к ним, только что в очередной бесконечный раз пригубившую девицу. Безуспешно.

На его крик из военкомата выбежал что-то на ходу жующий, болезненного вида прапорщик с красной повязкой на рукаве. Услышав от майора несколько непечатных слов по поводу порядка на прилегающей территории, он при помощи таких же точно слов отогнал девицу, торопливо открыл ворота – и машина с гробом въехала во двор. Призывники, из окон автобуса хорошо видевшие, чем был нагружен ЗиЛ, замерли. Они не отрывали глаз от серого прямоугольника, стоящего посреди кузова до тех пор, пока машина полностью не скрылась за воротами военкомата.

Показав кулак проехавшему мимо, ухмыляющемуся и делающему вид, что капитановы жесты ему не понятны, Стецюку и махнув рукой майору, капитан по-молодецки запрыгнул в автобус, с разгона уселся на место кондуктора, бережно поставил на колени желтый портфель, осмотрелся, пересчитал стриженные головы и кивнул шоферу:

– Трогай!

Автобус шумно завёлся, погазовал, тронулся и, отчаянно сигналив, начал продираться сквозь толпу одуревших от всеобщей пьянки, горечи расставания и похмелья провожающих. Как зайцы, они выскакивали из-под его колес, ошалело выкатывая глаза, размахивали руками и издавали звуки, какие издаёт кенгуру в период гона. Матери дружно зарыдали, отцы крепче сжали губы. Пролили по несколько слезинок и невесты.

Автобус вырвался из дружно махающей на прощание руками толпы и начал петлять по ещё спящему городку. Настала тишина. Притихшие призывники продолжали стоять возле открытых окон.

«Советская армия. Этих – туда, того, в гробу, – оттуда. Круговорот воды в природе, – подумал капитан. Он посмотрел на новобранцев. – Может, и из этих кто тоже назад в цинковом гробу приедет...»

– А может и нет, – нарушив тишину, вслух сказал он, отвернувшись и, глядя вперед на дорогу, не оборачиваясь, произнес: – Водка есть?

Призывник Мурчик, одетый в старый, с обтрёпанными рукавами, красный, руками матери связанный свитер, с удивлением посмотрел на капитана, промямлил: «А? Не-а!» – и, сконфузившись от собственной лжи, стал усиленно смотреть в окно.

Другой призывник – наряженный в сильно поношенные, лет двадцать тому назад бывшие модными пиджак и брюки клёш, двадцатичетырехлетний Игорь, по кличке Торчок, явно чувствовавший себя среди призывников старшим, хотя от выпитого вчера на своих проводах литра самогона и очень плохо, вальяжно развалился на сидении, и сделал удивлённое лицо. Картинно разведя в стороны руки, он с лёгкой развязностью продекламировал:

– Водка? Товарищ майор, какая водка, о чём вы?

При слове «майор» капитан было оживился, но, вспомнив, что он ещё не майор, поправил: «Капитан», – и полез в карман за сигаретами.

Закурив и глядя вперед, он выпустил дым аки змей (Мурчику показалось, что и через уши) и, не вынимая сигареты изо рта, сказал:

– Вот портфель, – он взял свой желтый портфель, открыл и поставил на сидение возле себя, – сложите сюда всё спиртное, какое у вас есть. Всё! На сборном пункте обыщут и всё равно заберут. Пропадёт, а жалко! А так, после обыска, почти, – капитан выделил слово «почти», – почти всё заберёте назад. Здесь, в автобусе, и выпьете. Понятно? – капитан обернулся и, шевеля губами так, что сигарета в углу рта как шлагбаум задвигалась вверх-вниз, добавил. – Но за это доброе дело мне с каждого по бутылке. Идёт? – и он внимательно осмотрел всех по очереди. – Комиссионные.

Сказав так и проследив за реакцией на эти слова, капитан отвернулся и начал смотреть на дорогу, на обочине которой стоял жёлтый грязный каток, а между ним и кучей лопат лежали на земле загорелые люди в оранжевых безрукавках – ожидающие, когда привезут асфальт дорожные рабочие. Торчок расплылся в улыбке:

– Товарищ капитан, конечно идёт! О чём базар, всё ясно! Давай, мужики, всю водку сюда! – и, достав свою собственную литровую бутылку с самогоном, мутности ну просто удивительной, он сунул её в капитанский портфель.

Поглядев на лунный самогон, капитан брезгливо съёжил лицо и отвернулся. Заметив это, Торчок выхватил у Васи бутылку с коньяком и с заискивающей улыбкой протянул её капитану:

– Товарищ капитан, а коньяк вам подойдёт?

– Подойдёт, – глядя в окно и жуя сигарету, бесцветным голосом ответил капитан.

Водка, самогон, пиво и коньяк быстро перекочевали из призывничьих котомок в капитанский портфель, но всё не влезло. Приятно удивлённому капитану пришлось доставать матерчатую сумку. Наполнилась и она. Капитан удовлетворённо хмыкнул.

После часа скучной езды по однообразной проложенной среди полей дороге, за окнами замелькали частные дома, ворота организаций и убогие советские магазины – автобус въезжал в областной центр. Призывники с интересом крутили головами по сторонам – в областном центре им доводилось бывать нечасто.

Едва разминувшись с автокраном на перекрёстке, перед которым на светофоре одновременно горели зелёный и красный огни, автобус за зданием автовокзала повернул налево и подъехал к воротам с нарисованными на них большими красными звездами – областному военкомату. Возле ворот кишела, визжала, шуршала, подпрыгивала и приседала очень оживленная и не совсем трезвая толпа, в основном состоящая из невест находившихся уже за воротами новобранцев и оставшихся пока на гражданке их приятелей. Каждый въезжающий и выезжающий автобус встречался ими дружным визгом, криками и бросанием под колеса.

Водитель резко затормозил у ворот и даже удивился, что никого не задавил. Он посигналил. Толпа, перекрикивая автобусный сигнал, завизжала и заулюлюкала. Новобранцы-пассажиры оживились, высунулись из окон и, пока ворота оставались закрытыми, перебрасывались с окружением фразами типа: «Ух-ты, какая!» – или – «Ух, у тебя какие!»

Водитель посигналил ещё. Ворота открылись, автобус заехал, тут же развернулся и остановился у широкого асфальтированного плаца.

– Приехали, сборный пункт, – сказал капитан и погладил портфель, – берите вещи и пошли. Быстренько, быстренько!

Все «быстренько» вышли из автобуса и осмотрелись, шурясь от яркого солнца.

– Будьте тут, я пойду доложу, – сказал капитан, рискуя вывихнуть челюсть, зевнул и пошёл в сторону крытого шифером двухэтажного здания – штаба.

Мурчик провёл взглядом капитана, посмотрел левее, протёр глаза и толкнул локтем стоящего рядом Игоря.

– А?

Мурчик вытянул перед собой указательный палец и с выражением сказал:

– Гля, красавцы!

Игорь глянул.

На огромном расчерченном белыми линиями плацу, заваленном рюкзаками, спортивными сумками, мешками и другим походным скарбом, шлялись в разных направлениях стриженные под ноль парни в каких-то диковинных маскарадных костюмах. Их было сотни три-четыре, а может быть и больше. Рваные фуфайки, куртки, подрезанные ножом штаны, дырявые майки... Карнавал голодранцев. Курили все, дым стоял коромыслом. Многие были пьяные, многие пьяные очень. Некоторые валялись прямо на асфальте, среди вещей, потрясая окружающих живописностью и разнообразием поз. Немногочисленные доставившие их сюда из рай-

онных военкоматов сопровождающие офицеры криком и матом пытались наводить порядок, но на них почти не реагировали.

– Балдёжь! – оглядевшись, кивнул Игорь.

– А туда посмотри! – сказал Мурчик.

Напротив примыкавшего к плацу четырёхэтажного здания начинался сразу от асфальта и продолжался почти до забора смежного с военкоматом кожно-венерологического диспансера небольшой импровизированный скверик. В скверике велась оживлённая перепалка между худым офицером, стоящим перед расположенными уступом, как в кинозале, лавочками и тремя десятками пьяных призывников, одетых кто во что, как зря стоявших, сидевших, лежавших и валявших дурака на них, возле них и под ними.

– Куда смотреть?

– Вон, левее. Где лавки.

Перед лавочками стоял худой и долговязый старший лейтенант и, вскрикивая: «Вот, видите, видите!» – с трудом поддерживал в вертикальном положении пьяного, всё норовящего упасть, расхристанного, стриженного «под ноль» детину.

Детина был около двух метров ростом, небритый, с глазами, как у быка, в тельняшке и похожей на фуфайку стёганой болоньевой куртке с вырванными с мясом рукавами. Пьяно ухмыляясь, он крепко держался с одной стороны за старшего лейтенанта, отчаянно борющегося с приступами тошноты, а с другой – за безобразно пьяного и старательно обрыганного чем-то похожим на борщ толстяка в жёлтой детской шапочке-панамке, короткой оранжевой болоньевой, не его размера, курточке и вылезшей одной полкой из сползающих, с расстёгнутой ширинкой, штанов, цветастой рубашке без пуговиц. Этот толстяк, являясь причиной тошноты лейтенанта, стоял на одной ноге и, держимый за воротник детинкой, страстно, периодически проплёвываясь и шатаясь, буровил нечто несуразное, перед собой по балетному выводя кренделя рукой. Его тирада состояла из произвольного набора гласных звуков, с преобладанием звука «ы»:

– Аы уы иы ыы...

Детина, соглашаясь с ним, тряс губами.

– Вот, видите, видите! – кивая на них головой, страдал лейтенант.

Оборванцы на лавочках смехом подтверждали, что видят.

Вдруг, прервав тираду, толстяк шумно перевел дух, сказал: «Ы! Ыык!» – и на выдохе начал плевать, тупо глядя перед собой и в паузах между сокращениями желудка с огромным облегчением выговаривая звук «О».

Детина незамедлительно его от себя оттолкнул, брезгливо отвернулся, заметил на краю плаца две фигуры и протёр глаз. Этими фигурами были два старших офицера, неслышно подошедших, остановившихся в сторонке и с покачиванием голов наблюдавших за разворачивающимся перед лавочками действием. Ласково посмотрев на офицеров, детина недоумённо пожал плечами, показал пальцем на наклонившегося, теряющего равновесие и отчаянно балансирующего руками толстяка и проговорил:

– Видите? А не пил ведь, ни-ни! Наверное или съел что-то несвежее, или, э-эк! – детина варварски икнул, – или заболел.

– Алкоголизмом заболел! – закричал фальцетом за заботами не увидевший подошедших лейтенант. – Алкоголизмом? Да, алкоголизмом!

– Нет! – неподдельно возмущился детина, – морской болезнью! Он во флот не хочет. Там качает, качает волна морская... Вон, – он взмахнул рукой в сторону ворот, в которые как раз заходили два морских офицера, – увидел на выходе мореманов, укачало и блюёт! Тьфу, зараза! – страстно добавил он, заметив, что толстяк попал ему, по-видимому, борщом на порезанные чуть ниже колен штаны. – Зараза, сказал! – он незамедлительно вытер испачканное колено о круглую задницу толстяка, да так тщательно, что не желающий во флот толстяк окон-

чательно потерял равновесие, упал на четвереньки и, мотая головой и блюя, затрубил как слон. Визжащая от восторга толпа призывников на лавочках, глядя на это, ещё и заулюлюкала.

Все были довольны, пьяны и счастливы, кроме растерянного старшего лейтенанта и двоих подошедших: майора Лемешева – заместителя начальника сборного пункта, и второго майора – тоже сотрудника военкомата, видимо вчера крепко выпивавшего, с красными петлицами, такого же цвета лицом и взглядом, какой бывает у совы, которая летела-летела по лесу по своим совиным делам, на лету задремала и вдруг ударилась головой о неизвестно откуда появившееся на её пути толстое и твёрдое дерево.

Смеющийся вместе со всеми Мурчик, глянув на него, удивился: у всех встреченных им на жизненном пути дослужившихся до звания «майор» военкоматовских работников были красные лица и совиные взгляды.

«С чего бы это? – подумал Мурчик, – может быть, профессиональное заболевание?»

Майоры угрюмо осмотрелись.

– Кто эту мразь привез, Кравцов? – оторвав взгляд от исходящего желудочным соком толстяка и остановив его на лежбище на лавочках, сам у себя спросил майор Лемешев. – Кравцов, иди сюда!

Старший лейтенант оглянулся, вздрогнул, крикнул: «Я!» – прекратил поддерживать детину и, прижимая рукой фуражку, галопом устремился к майору.

Лишившийся опоры детина, как трава на ветру, сразу начал качаться из стороны в сторону. Лейтенант оглянулся, в два прыжка вернулся и, схватив за воротник, не позволил тому упасть. Он растерялся. Он не мог решить, что ему делать: продолжать держать детину или бежать к майору. Кравцов виновато посмотрел на Лемешева и под его тяжёлым взглядом выпустил из рук воротник детины. Тот покачнулся и немедленно упал головой в сторону севера, а лейтенант, пригибаясь, побежал к майору.

– Постройте! Быстренько! И обыскать! – сквозь зубы процедил майор подбегающему лейтенанту, равнодушно пронаблюдав падение детины, – всех!

– А чё искать? – удивлённо, сложившись вдвое и снизу заглядывая в глаза Лемешеву, спросил лейтенант.

– Обыскать на предмет обнаружения и изъятия спиртных напитков. Понятно?

– Так точно! – старший лейтенант вытянулся во фрунт, оказавшись на голову выше майоров.

– Выполняйте!

– Есть!

Майоры отошлиотревущей толпы и пошли к штабу, а за их спинами неуклюжий и долговязый старший лейтенант Кравцов, злясь, взвизгивая и кривляясь, попытался поднять с лавочек и построить для обыска гогочущее войско.

– Каждый год одно и то же! – оглянувшись на Кравцова, сказал майору с красным лицом и петлицами майор Лемешев.

Майор в ответ кивнул совиным лицом:

– Угу!

Он оглянулся на орущего: «Построились!» Кравцова и, прикрыв рот рукой, от души зевнул.

Через полчаса с большим трудом все призывники были построены на плацу в виде буквы «П», а вернее, кривой «С».

Из штаба к строю вышли трое: первым – майор Лемешев, вторым – держащий перед собой ворох бумаг краснолицый майор, а за ними – нёсший в руках мягкий стул какой-то нескладный, клышеногий, очкастый, в форме общевойсковой лейтенанта, как на него сказал Игорь, «фраер».

Толстые линзы тесных очков фраера были направлены в землю, и его косым, один глаз на Кавказ, а другой – на север, глазам за ними было так тесно, что они, выталкиваемые диоптриями, то и дело показывались над отбрасывающей на строй нестерпимые солнечные зайчики позолоченной дужкой.

– Построились! – крикнул Лемешев.

В строю перед каждой группой призывников стоял офицер, который их сюда сопровождал из районного военкомата. Офицеры стояли ровно, криками через плечо успокаивая галдящих подопечных, а призывники кто как. Если стоящие в первых рядах при окрике Лемешева умолкли, то задние ряды продолжали галдеть, курить и смеяться без стеснения.

– Тихо! – крикнул красный майор.

Стало тише. Майоры вышли на центр плаца и остановились. Лейтенант поставил возле них стул и отошёл в сторону.

– Тихо! – опять крикнул майор.

Стало ещё чуть тише, и эту очень даже не мертвую тишину нарушил майор Лемешев.

– Докладываю! – сделав шаг вперёд, громко сказал он. – За вчерашний и сегодняшний день в армию уже не попадут семь человек, – в строю притихли почти совсем. – Семь! – Лемешев поднял вверх указательный палец и потряс им, – семь! Трое вскрыли вены, двое отрубили себе пальцы, одного подрезали, один упал с забора и сломал позвоночник. Вроде, пока всё? – он повернулся к красному майору.

– Слава Богу, – кивнул тот.

– И это всё – водка! – продолжил Лемешев.

– Она, родимая, – опять кивнул майор и пошелестел бумагами.

– И поэтому я приказываю: старшим команд немедленно, – Лемешев посмотрел налево в вынырнувшие из очков глаза фраера-лейтенанта, – немедленно! Здесь же произвести досмотр вещей, и все спиртное изъять! Показываю как!

Глаза спрятались, фраер остался стоять на месте, а Лемешев с майором подошли к строю. Весь плац повернул головы в их сторону.

– Давай рюкзак сюда! – рявкнул Лемешев настрой.

Оказавшийся в первой шеренге ближе всех к нему уса́тый плюгавенький призывник было попятился, но старший команды – ефрейторообразный капитан, схватив его за петли и голосом как у стеклореза спросил: «Куда?»

Толпа недовольно загудела. Лемешев вырвал из рук плюгавого, которого звериной хваткой держал капитан, рюкзак. В этот момент стоящий чуть сзади за плюгавым веселорожий и наглый призывник обильно наслюнявил палец и щелбоном метнул слюну на спину капитану. На спине капитана нарисовалась фигура, слегка напоминавшая восьмёрку. Плонув таким же образом на спину капитану ещё раз, он беззаботно и заливисто заржал. Капитан держал своего подшефного, как собака держит кость – не отнимешь, и выходы этой не заметил, а среди призывников это вызвало бурю веселья, у одного даже дошло до истерики: уж чего, чего, а как плюют на спину капитанам, да ещё так загогулисто, не каждый день увидишь. Веселье окружающих вдохновило наглеца на ещё один подвиг. Пользуясь занятостью капитана, он воспользовался своим высоким ростом, и просто, тихо и много наплевал тому сверху на фуражку. Он победно оглядел своих сотоварищей, ожидая одобрения, но окружающим было уже не до этого – они все смотрели в одну точку, на руки Лемешева, открывшего рюкзак плюгавого и, с возгласом: «Ага!» – извлекающего из его нутра две бутылки водки.

Отдав расстроенному плюгавому пустой рюкзак, и торжественно неся перед собой, Лемешев вышел на середину плаца и по одной, широко размахнувшись, разбил их об асфальт. Толпа возмущенно загудела. В гуле отчётливо и многократно послышалось слово «пэдэрасты!», многие недвусмысленно зажестикულიровали.

Лемешев сказал: «Вот так! – и скомандовал: – Командиры, приступайте!»

Командиры приступили.

Землистолицый капитан, которому и приступать то было не к чему, и его немногочисленная, так удачно спрятавшая водку, компания находилась на краю левого фланга строя и молча наблюдали за развернувшимся на плацу тотальным обыском. Компания – с интересом, капитан – откровенно скучая. Он закурил в строю и вдруг спросил одного из привезённых с собой:

– Слышишь, как тебя зовут?

– Андрейка, – ответил, открывши рот, следивший за перипетиями на плацу, паренёк.

Капитан поднял одну бровь, пожал плечами и сбил пальцем пепел на асфальт.

– Ну ладно, пусть будет Андрейка, – затаился он, – давай отойдем.

Отошли.

На плацу шмон продолжался.

– Вы... – сказал капитан и замолчал – в команде лейтенанта Кравцова вдруг раздался сильный шум, крики, и на середину плаца из строя, с бутылкой в руках, искривляя позвоночник, выбежал призывник, Жуковский Петя, с глазами по семь копеек на круглом, украшенном девичьим румянцем лице. За ним, с криком: «Стой, гныда!» – шлёпая по асфальту подошвами сапог сорок пятого размера, делая руками хватательные движения, гнался лейтенант Кравцов:

– Стой! Давай водку сюда!

Кравцов обнаружил в Петиных вещах бутылку водки, но взять не успел – чтобы она не пропала, Петя решил её незамедлительно выпить. Лейтенант был против этого, поэтому Петя схватил бутылку и побежал. Лейтенант погнался. Убегая от него, Петя на ходу зубами рвал сделанную из толстой фольги пробку водочной бутылки, а оторвав и выплюнув, сразу припал губами к её горлышку. Лейтенант слёту кинулся на него, но Петя, не отрывая губ, сделал туловищем немыслимый финт, и Кравцов, проскочив мимо, неудачно тормознув и запутавшись в сапогах, повинуясь коварным силам инерции и земного притяжения, выставив перед собой руки и сделав удивлённое лицо, упал. Приземляясь, он был похож на большой пассажирский самолёт, аварийно садящийся на скользкую обледеневшую полосу.

Толпа восторженно заныла, а Петя, стоя над поверженным противником, продолжил ускоренно лакать водку, в паузах между глотками позволяя воздуху в виде пузырьков проникать в пустеющую на глазах бутылку. Одобрительный вой толпы при погоне стал рёвом при питии.

Взбешенный, замурзанный Кравцов как-то боком вскочил и, широко растопырив руки, снова бросился на Петю. Петя делал телом движения, напоминавшие музыкальный ключ «соль», и ужом уворачивался от длинных рук лейтенанта. Он теперь срывал аплодисменты, употребляя в паузах схватки, когда лейтенант, махая руками, как петух крыльями, в очередной раз проскакивал мимо и разворачивался для повторного броска.

Допив до дна, Петя остановился, гордо потряс бутылкой над головой и торжественно вручил её порожней схватившему-таки его за рубашку, опупевшему лейтенанту. Тот виновато принял тару и с тоской посмотрел на Лемешева, молча наблюдавшего за этой сценой. Лемешев плюнул на землю и, обращаясь к красному майору, сказал:

– Каждый год одно и тоже! Каждый год! – ещё раз плюнул и, повернувшись к Пете, с придыханием произнес. – Я тебя, герой, на Новую Землю служить отправлю, к белым медведям и собакам лайкам! Понял? Ты смотри, какой герой!

Все задумались на секунду, пытаясь вспомнить географию. Про Малую землю, благодаря внезапно проснувшемуся литературному таланту правящего страной вождя, Леонида Ильича Брежнева, слышали все, а Новая Земля, это где? В Сибири? На полюсе? На Луне? Где? А «герой» от единоразового употребления внутрь полулитра водки уже начал гаснуть и под вой толпы нетвёрдопопелся в сторону лавочек, где и примостился под чахлым деревом, пригорюнившись.

Майор Лемешев крикнул бережно держащему Петину бутылку лейтенанту:

– Кравцов! – и, достав из кармана две сетки-авоськи, бросил их ставшему навтыжку и крикнувшему: «Я!» – лейтенанту. – Соберите сюда всю добычу и несите её в штаб!

Старший лейтенант кивнул, поставил бутылку на асфальт, отдал честь и бросился исполнять.

Прервавшие обыск, чтобы посмотреть на устроенное Петей Жуковским шоу, старшие команд вернулись к прежнему занятию – они продолжили лазить в рюкзаках призывников и искать припрятанные там бутылки. Обнаружив, они извлекали на свет божий и ставили добытые напитки себе за спину, на асфальт, но глаз не хватало, и когда офицеры брались за следующий рюкзак, оставленные без присмотра бутылки немедленно дерзко и отчаянно возвращались себе бывшими хозяевами. Заметив это, Кравцов криком отогнал наглецов и начал собирать трофеи в сетку. Их было много. И наглецов, и трофеев. Лейтенант от крика сорвал голос.

– Пропадает! – посмотрев на переполненную авоську в руках Кравцова, выпустил дым через нос землистолитый капитан и спросил. – Как твоя фамилия?

– Пронин, – ответил парнишка, представившийся Андрейкой.

– Слышишь, Андрейка, а ваша-то водка – целая. Согласен?

– Угу, – согласился Пронин.

Капитан продолжил:

– Вы деньги с собой ведь брали?

– Брали, – подтвердил Андрейка.

– Много?

– Не знаю. Кому сколько дали.

– Там, – капитан глубоко затянулся, – в армии, они вам всё равно не понадобятся, там всё казённое, согласен? Собери-ка ты у ребят мне на дорожку сотенку-другую, – капитан опять затянулся, – третью. Я вам добро сделал, вы мне. Угу?

Пронин подошёл к своим товарищам.

– Ну что там? – не отрывая взгляда от концерта на плацу, спросил Шубин.

– Деньги наши ему нужны, говорит, чтоб собрали ему.

– Ему что, пять бутылок мало? – возмутился Мурчик. – Пять бутылок отдали! Это ж и обоссаться можно!

– Ну чего вы, мужики, там деды всё равно всё заберут, – влез Торчок, – а так – хороший мужик! – Торчок достал из кармана и начал слюнявить мятые купюры. – Давай, по полсотни на рыло – и будет нормально. Ну, что за дела?

Все скинулись. Кто нехотя, кто без эмоций. Нужно, так нужно. Игорь пересчитал деньги и засунул в карман.

На плацу шмон закончился. Лишённая большей части запасов спиртного толпа с озлоблёнными рожами начала расползаться. К Пронину и компании подошёл выбросивший окурочка капитан.

– Ну что, пошли в автобус?

– Угу.

Зашли, сели. Автобус на солнце уже успел нагреться, поэтому все постарались сесть на сидения, до которых ещё не успело добраться горячее утреннее солнце. Капитан открыл свой переполненный жёлтый портфель и сказал:

– Ну, что сидим? Давайте, разбирайте свои запасы!

После того как все своё спиртное добро из портфеля и большой матерчатой сумки разобрали, Игорь взял из рук Васи тёплую бутылку коньяка и с собранными деньгами начал тыкать её капитану. Капитан таким ленивым, с бараньими интонациями голосом, стыдливо отворачиваясь, запричитал:

– Это мне-э? Мне-э? Ну что вы, ребята, не надо! Ну... не надо! Ну... спасибо!

Он резво спрятал деньги в карман, а бутылку в портфель, где до этого поселились пять комиссионных. Шестая не влезла, и, что бы капитан не делал, портфель не закрывался.

– А! И так сойдёт! – он махнул рукой и сел, держа его на руках незакрытым, с далеко торчащим оттуда горлышком. – Ладно, ребята, садитесь, пейте, быстренько закусывайте, и мы поехали.

– Есть! – приложил руку к виску Клюев, взял бутылку и, после того как Игорь с размаху вывалил на расстеленную на сидении газету съестное содержимое своей сумки и Мурчикувского рюкзака, налил всем по половине кружки.

Свою он протянул капитану:

– Давайте, товарищ капитан, за здоровье!

Капитан протестующе поднял ладонь:

– Нет! Нет, ребята, пейте сами, я – нет. Нет!

Игорь выпил, отфыркиваясь, нервно передёрнул плечами, открыл новую бутылку, налил в кружку опять и развёл руками:

– Капитан! Ну?

– Ну ладно, ладно, только за ваше здоровье! – позволил себя уговорить капитан, отставил в сторону портфель, вытер губы, хекнул влево, выпил, крикнул, промычал. – Тёплая, зараза! – с аппетитом закусил любезно поданным Мурчиком солёным огурчиком, на импровизированном газетном столе добыл жареную курицу, порвал её на куски и, уже жуя, добавил. – А-аааа! А мне ведь нельзя, я ведь на службе.

Пронин глянул на стрескавшего за полминуты полкурицы капитана, порадовался за его аппетит, выпил и, отчаянно скривясь, пробурчал:

– Нам тоже нельзя. Мы теперь тоже вроде как на службе.

Все выпили, повеселели и сидели, довольно ухмыляясь, поглядывая в окна, громко чавкая и пробуя травить армейские анекдоты.

– Ну, давай еще по одной, и-ик, и я поехал! – хлопая в ладошки, промямлил уже краснолицый капитан, за недолгое время трапезы успевший украсить крупными пятнами какого-то животного происхождения жира на брюках и прилипшими к галстуку кусочками жареной куриной плоти.

Уже пьяный Пронин поддержал:

– А, давай!

Все выпили, закусили. Очень быстро повторили. На этот раз молча. Капитан попробовал встать.

– Ну, р... р... р-ребята... эх, ...бята!

Попробовал, но не встал – жара.

– Товарищ капитан, всё нормально? – спросил Мурчик, когда опять повторивший попытку подняться капитан, поскользнувшись, опёрся об него лицом.

– Нормально, нъ... ормально! – ответил тот, обнимая портфель. – Всё, ребята, всё! Пошли! Вываливайте нафиг из автобуса, Родину защищать н... ек... ком... ек... н... э-эк-кому... фух! Короче н... говоря, нек-кому. Идите, вон там, на лавочках, сядьте и сидите. Вас позовут. Только больше не пейте, – капитан строго поболтал на призывников указательным пальцем, – ни капли!

– Всё нормально, капитан! – икнул Торчёк и взял под козырёк.

– Тогда ик, н... ны... нья на выход!

Все вышли из автобуса с чувством птенца, впервые покинувшего твердь гнезда. Вчера уже закончилось, сегодня ещё не началось. Капитан, не выпуская портфеля из рук, вышел последним, дважды пересчитал головы и остался доволен. Затем он громко, даже немного присев от усердия, позвал болтающего невдалеке с коллегами шофёра:

– Эй! Поехали!

Автобус уехал, увозя с собой веселье и оставив тревожное ожидание.

– Паскудно как-то на душе, – оглядевшись, сказал Мурчик и как-то робко и неуверенно икнул.

– Так давай паскудство смоем водочкой, у нас-то её непочатый край! – отозвался блестящий растаявшим на солнце лицом Игорь и сразу перешёл к делу, достав свою уже успевшую намозолить всем глаза, непочатую мутную литруху.

Все сразу повеселели, пошли и устроились на самой дальней, почти у самого забора, спрятавшейся за высоким тополем лавочке, предварительно развернув на ней газетку с оставшейся снедью.

Едва расселись, как из-за зеленеющих возле забора буйных пыльных кустов вышел и мимо чавкающей компании, мучая никак не желающую застёгиваться ширинку, нетвердо прошёл к плацу щегольски одетый в чёрный с искрой костюм-тройку, белую рубашку с чёрный галстуком-бабочкой и лаковые чёрные модные туфли пьяный, стриженный «под ноль» призывник. Заметив бутылку в руках у наливавшего в Торчкову кружку Пронина, он потряс головой, не веря своим глазам, стал как вкопанный, облизнулся и, не отрывая взгляда от струйки, моментально достав из кармана брюк поломанный складной пластмассовый стаканчик, выдув из него пыль, жалобно продекламировал:

– Самцы! Плесните колдовства в хрустальный мрак бокала, а?

– А чё это мы тебе, интересно, самцы? – выверился Мурчик.

– Ну, дак я так понял, что вас в армию забирают, да? – переместил алчный взгляд с бутылки на кружку явно похмельный обладатель костюма, – а самок в армию, к сожалению, не берут. Так что мне кажется, что вы – самые настоящие самцы. Плесните, а?

Говоря это, проситель судорожно открывал стаканчик, который столь же судорожно складывался обратно в походное положение. Последнее «а» было сказано так жалобно, что Пронин дрогнул сердцем и спросил у Торчка:

– Ну что, плеснём? А то он аж приплясывает от жажды!

– На всех не напасёшься, – промычал Игорь.

– От пусть сперва спляшет по-человечески, тогда и плеснём, – сказал пьяный Мурчик.

– А я плясать не умею, – расстроился костюм, – давайте я лучше стихотворение расскажу? Пушкина!

– Рассказывай! – взмахнул рукой Мурчик, потёр глаза и присмотрелся.

У него в глазах алкоголь превратил цельную человеческую фигуру просителя в костюм. Человека он не видел – только пиджак и брюки.

«Странные метаморфозы произошли с клетками головного мозга под действием этиловых спиртов, плюс катализ в виде солнечного подогрева», – подумалось ему.

В школе у Мурчика было пять по химии. Он потряс головой, а костюм подбочился и с выражением начал декламировать:

Плесните колдовства в хрустальный мрак бокала,
Всем сердцем вас за это возлюблю.
Я за любой ценой не постою
И невзначай напьюсь до выделения кала!

Он притопнул ножкой и по-ленински вытянул перед собой руку со стаканчиком:

Плесните поскорей хмельного йй-интаря,
Я в кайфе затащусь безбрежном, клёвом!
И не пролив ни капли почём зря,
Я изойду весь безудержным блёвом!

Костюм поклонился, Мурчик опять потряс головой, а растроганный Торчок захлопал в ладоши и, махнув от плеча рукой, закричал:

– Плещи!!!

Пронин плеснул в складной стаканчик костюма. Потом себе и всем остальным. Едва пригубили, как обернулись на странный шорох.

От тех же кустов, что и костюм, шумно шаркая подошвой солдатского сапога 45-го размера, практически не отрывая её от земли, шагами по метру сорок шёл согбенный, как и до этого костюм, сражающийся с непокорной ширинкой, только что помочившийся на забор, долговязый, одетый в непонятную одежду, похожую издали на военную форму, переросток-очкарик. У очкарика были погоны с тремя лычками, стройбатовские эмблемы, вкрученные прямо в воротник на месте отсутствующих петлиц и очень светлый взгляд, устремлённый сквозь +5, +7 очки в будущее, которое для него печально закончится неверным движением крановщицы на шестом этаже строящегося девятиэтажного дома. Но это будет зимой, через восемь лет, а сегодня было лето, он был жив и здоров, у него были на эсэсовский манер закатанные до локтей рукава коротюсенькой, невероятно выбеленной хлоркой куртки х/б, опущенный «ниже колен» ремень, ушитые вручную штаны п/ш, мятые в гармошку сапоги со скошенными назад, самопально набитыми каблуками и длинные, затолканные за уши волосы, поверх которых красовалась вылинявшая пилотка с дыркой на месте оторванной звезды. Сержант был откровенно пьян. Над ним летали мухи.

Приняв вовнутрь первый раз и уже принимая во второй, быстро освоившийся в новой компании обладатель черного в искру костюма промычал на него, ресторанно щёлкнув пальцами:

– Эй, самец!

– Я! – отозвался сержант, – я тут!

Все засмеялись, а сержант повернул свои +5, +7 очки в сторону костюма, присмотрелся и спросил: «П-петя, это не ты?» – и, не получив ответа, заволат, приседая и туманно блестя линзами:

– С-салага, веш-шайся!

Пьяный Пронин сперва удивлённо посмотрел на ставшего в позу метателя копья сержанта, а потом на хозяина модного, при ближайшем рассмотрении оказавшегося всего в пятах, пиджака, который закусывал, усердно налегая на Мурчикову домашнюю колбасу.

– Слушай, это кто такой?

– Му! – зубы обладателя пиджака увязли в колбасе.

– Гэй, ю! – Пронин промычал сержанту строку из песни группы «Пинк Флойд» и показал кружку, – эй, ты! Иди сюда! Ты кто?

В те времена про геев широкие народные массы ещё не слышали, тогда их было поменьше и назывались они по другому, поэтому сержант на такое к себе обращение не обиделся и, выдвигая вперёд правую ногу, а потом к ней подтягивая левую, подошел, и, пытаясь что-либо рассмотреть сквозь пыльные стёкла, заикаясь, замекал:

– Ме, м, м, мммме! Ага!

– Что?

– Ммм...

– А, понятно, – махнул на него рукой, с зажатой в ней колбасой, костюм, – это – мабута, а там все такие.

– Мабута? Какая такая мабута? – не понял Пронин.

– М, мм, ммм, м... – набычился заика-сержант.

– Мабута, в натуре! – ещё сильнее зажеликулировал колбасой костюм.

– М, мм, ммм... – сержант набычился ещё больше.

– В натуре, мабута!

Пронин смотрел по очереди то на одного, то на другого.

– М, мм, ммм... – мычал сержант.

– Что, мм? – костюм прекратил жевать.

– Ммм...

– Что, мм? Не мабута? Моряк?

– Мм... Мм!..

– Морж?

– Мм!..

– Мабута?

– Мммм!!!..

– Что вы мычите? – остановив взгляд на сержанте, попытался сообразить пьяной головой

Пронин, – какая такая мабута?

– Мабута – это стройбат, – сказал, опять с разгона впившись зубами в колбасу, костюм.

– У-у-угу! Сы-тыр-ооойбат. К-кыа...К-к-кыао-оролевские в-вой-ска! – нечеловеческим усилием подавив заикание поддакнул сержант.

Он кивнул головой и моргнул казавшимися через толстенные линзы огромными голубыми глазами. При этом его пионерские очки большого размера съехали на самый кончик длинного острого носа. Сержант кулаком вернул их на прежнее место, посмотрел на бутылку в руке у Пронина и шумно глотнул.

– Стройбат – это вообще не войска! – загорячился костюм с искрой, выплюнув непережёвываемую жилку сержанту прямо под ноги.

– На, лучше выпей, мабута! – Пронин протянул кружку сердито засопевшему носом стройбатовцу, который уже прицеливался через свой оптический прицел, собираясь ударом в ухо доказать терзающему зубами колбасу костюму, что стройбат это всё-таки войска.

Предложение Пронина отвлекло сержанта от задуманного. Он быстро и радостно выпил, вытер рот, хлопнул в ладоши, и, не закусывая и почти не заикаясь, блеснув очками, выпалил:

– Ка-аа-аак т-воя ф-а-амилия?

– Моя? – Пронин ткнул пальцем себе в грудь.

– Угу, – утвердительно посверкал опять сползшими очками сержант.

– Пруин, – деревянными от водки губами ответил Андрейка Пронин.

– Прун? – сержант удивился, – ну, П-прун так Прун. Меня д-дразнят Самец, это ещё хуже, но я не об-обб-оббижаюсь. Н-алей ещё, а? К-а-ап-пельку.

Прун налил, сержант моментально выпил.

– Слушай, П-прун, – вытерев губы рукавом, сказал он, – ты – п-парень, что надо! Я прямо с-эейчас, п-пойду и у куска в-оонючего запишу т-тебя к нам в команд-д-д-ду. Поедешь с-с нын-нами, у нас там к-класс! – сержант поднял вверх большой палец. – Вот сейчас пойду и зап-пишу! Петя, ст-т-той! – он ширнул пальцем по направлению еле идущего мимо по краю плаца, а вернее еле передвигающегося другого стройбатовца, в распахнутом настежь парадном кителе, на котором со стороны сердца расплылось два пятна – одно гигантское, жирное, и внутри его второе, поменьше, синее, видимо от потекшей в кармане авторучки.

Простоволосый, смертельно пьяный и оттого дерзко медитирующий пятнистый Петя остановился, как будто в него попала шальная пуля. Он остановился, и сам удивился почему – ведь сейчас его ничто не могло остановить, его душа в этот момент находилась где-то далеко, видимо, в Катманду, и услышать там своё имя было для него откровением.

Сержант вернул пустую кружку Пруну, расставил руки в стороны и, отчаянно балансируя ими, с трудом добрался до оглядывающегося по сторонам Пети. Тот его хоть и не сразу, со второй попытки, но узнал, узнав – обрадовался, и они, обнявшись, как будто не виделись лет сто, противоположным зигзагом, вразнобой шаркая сапогами по асфальту, поплелись по

направлению к группе из двух десятков призывников, перед которыми витийствовал, подбоченясь правой и держа левую колокольчиком, покупатель – франтоватый и какой-то ненастоящий, бутфорский, похожий качающейся головой на фарфорового китайского божка, куриного телосложения, низкорослый прапорщик.

– Слушай, Прун! – ожил костюм.

– Прум – это я, что ли? – пьяненький Пронин внимательно посмотрел на него.

– Конечно ты. Кто же ещё? Не я же!

– А ты кто?

– Я? Я – Лёша Боков.

– А я – Прум?

– Не Прум, а Прун! Прун – это звучит гордо!

– А кусок вонючий кто, ты?

– Нет! – костюм Лёши Бокова негодуяще замахал рукавами, – нет, не я! Ты не понял!

В армии прапорщик – это кусок, ну, так называется, а в стройбате, наверное, вонючий кусок. Что это там?

Их познавательной беседе помешал вопль. Вопил похожий на китайского божка прапорщик, тот, кого в стройбате именовали вонючим куском. Он, крича: «Что ты мелешь? Никого я записывать не буду!» – усиленно отворачивался от заикастого сержанта, а тот, держа за рукав и возвышаясь на полголовы, настойчиво пускал зайчики от очков ему в глаза и орал прямо в ухо:

– А я тебе с-с-ска-аазал зап-п-пиши Пруна! Да!

– Что ты мелешь? – отворачивался кусок.

– Ты что, к-усок вооооонючий, сооооовсем об-оббборзел, а? – кричал ему в левое ухо сержант.

– А?! – создав стереозвук запел драматическим тенором куску вонючему в ухо правое вдруг вернувшийся из Катманду Петя, – а?

Прапорщик, отшатнувшись от него, наклонил голову влево, и сержант продолжил кричать в приближенное к нему ухо левое:

– Я тебе сказал запи-и-иши, и точка!

Прапор передёрнул голову на правое плечо, ну как вылитый китайский божок.

– Зап-пп-пиши!

– погоди, погоди! Ты сказал, запетуши? Кого запетушить? – не понял тезиса как-то враз очнувшийся Петя. – Алё, Самец! Ты кого запетушить предлагаешь? Его? – Петя потрогал куска за пуговицу на кителе.

Кусок насторожился. Очень насторожился.

– Не гони гусей! – он попытался рывком освободить рукав, – никого я записывать не буду!

– Я сказал запи-иши Пруна, и т-точка! – добавил громкости и угрозы в голос сержант и скомкал кусковский рукав. – К-кто тут нач-чальник?

– А? Кто тут начальник? – окончательно отошёл от медитации Петя и, не ожидая ответа, с размаху зарядил кулаком прапорщику в ухо, сбив на землю его генеральского покроя фуражку.

Сержант не отстал от Пети и незамедлительно врезал куску подзатыльник. Тот жалобно ойкнул, заорал: «Мабута пьяная!» – и попытался было убежать, но мабуты его поймали и принялись отчаянно, размахиваясь из-за головы, лупить, насколько это мероприятие доступно смертельно пьяным людям.

Кантование куска представляло из себя довольно весёлое и поучительное зрелище. Весь сборный пункт слетелся поглазеть и поподбадривать трудящихся над исправлением осанки прапорщика мабутов Самца и Петю, но зрелище, ко всеобщему сожалению, скоро закончилось – выбежавшие на шум из штаба офицеры с огромным трудом оттащили обезумевших от азарта стройбатовцев от почти не пострадавшего, но изрядно вывалянного в пыли и плевках куска.

– Если б вы вовремя не подоспели, я бы их поубивал, да! – заявил кусок оторопевшему от таких слов красному майору, – мабута поганая!

– А ты не мабута? – спросил майор.

– У меня уже рапорт на перевод в вэ-вэ подписан, – гордо сказал кусок, – зря только новую чёрную фуражку себе пошил. А где она?

Он потрогал себя за голову, выкатил колесом грудь и огляделся. Его сбита Петей фуражка валялась вблизи. Когда спасённый прапор, прихрамывая, пошел хоть и нетвёрдой, но походкой победителя к фуражке, чтобы ее поднять, его вызывающий, наглый вид заставил утихшего было Петю обезуметь повторно. Он дико завизжал, вырвался из рук офицеров, налетел, как орёл, на нагнувшегося за фуражкой куска, сбил его с ног и, не уделив более поверженному, сразу потерявшему петушиный вид, подтянувшему колени к груди и закрывшему руками голову прапорщику никакого внимания, с пьяным остервенением принялся топтать, буцать и гоняться за фуражкой, что-то мажорное напевая себе под нос и поминутно в неё плюя.

Из штаба к от души навеселившейся толпе подбежал майор Лемешев и, перекрикивая шум, закричал:

– Всё, всё, концерт окончен! Всем строиться по своим командам и готовиться к отправке! Строиться, я сказал! Старшие команд, за мной! На совещание... – вдруг он замер и добавил, после трёхсекундного разглядывания неуклюже поднимавшегося на ноги куска. – Мама родная! И это командир. Красный! Твою мать! Тьфу! – сказал, плюнул и ушёл.

Несмотря на строгость майорского голоса, строиться не спешили, расползлись только по местам складывания пожитков, и кто уселся, кто улёгся...

Через полчаса на широкое крыльцо штаба вышли уже примелькавшиеся призывникам военкоматовские офицеры. Следом показалась группа людей в форме, совершенно не знакомых.

– Покупатели, – тревожно прошепел над сборным пунктом.

Покупатели спустились с крыльца и направились к заполненному призывниками плацу. На них насторожено уставились сотни глаз. Впереди шли офицеры. Чуть сзади, в фуражках с разного цвета околышами, двигались зигзагами громко смеющиеся, награждённые природой толстыми шеями и на удивление счастливыми лицами прапорщики, а за ними – с полтора-два десятка сержантов срочной службы. У троих сержантов были лихо вверх, в небеса, задраны парадные фуражки, а на остальных висели чудом не падающие, опущенные на самый затылок пилотки.

– Э, морда, ты куда? – отвернув настороженное лицо от плаца, обратился лежащий в обнимку с Пруном пьяный Боков к показавшейся из-за кустов, ну, действительно морде.

Это был прочухавшийся детина, дискутировавший накануне о флоте со старшим лейтенантом Кравцовым. У морды из-за щёк не было видно ушей. Звали морду Евгением. Морда остановилась, покачалась, застегнула ширинку, очень внимательно посмотрела на Бокова, уже погасшего Пруна и ответила басом, пожав плечами:

– В армию, куда же ещё?

– Иди, морда, по чуть-чуть! – слегка очнулся от его трубного голоса Прун и на ощупь вытянув из рюкзака бутылку, покачал ею перед собой.

– А почему по чуть-чуть? – не поняла, оживившись, морда.

– По чуть-чуть, чтобы морда-то и не треснула! – резонно заметил Боков и, преодолевая сопротивление Пруна, отнял и запихнул бутылку назад в рюкзак.

– У тебя? – с лёгкой угрозой в голосе спросил у Бокова Женя.

– Не задирайся! – промычал Прун, – и я, пожалуй, тоже хлебну с вами.

Отодвинув Бокова, он опять полез в рюкзак за бутылкой.

– Тебе не надо, – вступился за водку Боков, – ты и так уже в штаны навалишь и не заметишь! – и он опять попробовал спрятать бутылку в рюкзак.

– Молчи, сволочь! – Прун решительно вырвал у него из рук бутылку, немножко потянул из горлышка, скривился, оторвался и упал.

– Ему уже хорошо, – философски заметил Боков.

– Лучше, чем нам, – согласно кивнул мордой Женя, поднял оставленную Пруном в покое бутылку, царапнул ногтем на этикетке метку – поровну, и ту водку, что была выше метки налил в протянутую Боковым кружку, – сейчас и нам будет хорошо!

– Эй, вам не ясно? Быстро построились! – крикнул компании пробежавший мимо лейтенант Кравцов, но, лишь мельком взглянув на приятелей, всё понял и экстренно остановился. – А ну брось бутылку! – подёргивая ручками, зарепетовал он, наклонил туловище вперёд и, решительно устремился к пьющим.

Боков хитро ухмыльнулся: «Не успеет!» – хекнул в сторону и залпом выпил.

Женя, крутя указательным пальцем в сторону подбегающего лейтенанта, проговорив: «Врёшь, не возмёшь!» – принялся пить из горлышка.

Почувствовав, что лейтенант добежит до него быстрее, чем он допьёт, Женя превратил палец в кулак. Кулак оказался размером с лейтенантскую голову. Лейтенант попался сообразительный – этот жест истолковал правильно, решил не рисковать и остановился. Женя без помех допил до дна, добрыми глазами посмотрел на лейтенанта, торжественно глядя перед собой протянул ему пустую бутылку и, произнеся: «На сегодня всё!» – упал.

Лейтенант кивнул головой и только моргнул. Потом он оглянулся на приближавшегося со стороны плаца майора Лемешева, который за шиворот тянул упирающихся рогами недоростка и похожего на колобка, со следами зелёной краски на стриженной наголо голове, невысокого толстячка.

– Кравцов! – преодолевая сопротивление ноши, майор подошел к лавочкам.

– Я!

– Принимай! Всё равно нажрались, где они берут? – и он толкнул к мирно сопящим Пруну, Жене и Бокову ещё два полутрупа – тучного колобка и дохленького мужчинку лет двадцати четырёх – двадцати шести, с головой не только стриженной, но и бритой, и с торчащими во все стороны, длинными и невообразимо редкими щетинистыми усами.

Мужчинка с колобком упали на землю синхронно и мягко, как мешки, так как пребывали не в состоянии сомнамбулизма, но в коматозном.

– Эх, защитнички Родины, мать вашу! – в сердцах сказал майор. – За штабом валялись. Запиши этих в резерв! – бросил он через плечо, повернулся и, не обращая более никакого внимания на что-то шепчущего себе под нос лейтенанта, пошёл к штабу.

Лейтенант сказал: «Есть!» – и попробовал узнать у спящего колобка его фамилию, видимо, с целью записи в резерв.

Он наклонился над ним, закричал: «Эй!» – и потряс за плечи.

Колобок даже не подал признаков жизни. Лейтенант потряс мужчинку и остальных, но кроме мата ничего не услышал. Он выругался, неизвестно что записал к себе в блокнот и поплёлся было следом за ушедшим наводить порядок на плацу майором, но потом вдруг резко развернулся и звонким мальчишеским голосом сообщил свежезаписанному резерву:

– Сволочи!

Но «сволочи» его уже не слышали – они спали. Боков в своём чёрном костюме с бабочкой был похож на спящего дирижера, и его неумытая рожа во сне, как у настоящего дирижёра наяву, была искажена неземным экстазом. Женя спал по-пролетарски, зарывшись рылом во вскопанную и свежеполитую землю под деревом, подмяв под себя несколько ограждавших её крашенных известью кирпичей. Прун спал под лавкой, лёжа на спине. Сопящий невдалеке колобок во сне был похож на лежащую на боку статую Свободы, пускающую пузыри из соплей. Усатый недоросток свистел носом, птички пели, и, лёжа чуть поотдаль, пугал их душераздирающим храпом Петя Жуковский.

МУРЧИК

Было только десять часов утра, прошло только четыре часа с момента отъезда из дому, а тихонько смывшемся с плаца, примостившемся под лавочкой недалеко от Пруна, страдающему от жары, перепивания и неизвестности, неважно себя чувствовавшему Мурчику казалось, что прошла вечность. Он хоть и не пил все тосты подряд и сейчас был не такой расклеившийся как Прун, но чувствовал себя очень неважно, и часок сна был бы ой как не лишним.

Мурчик лёг поудобнее – может, всё-таки удастся вздремнуть, а то от выпитого в раскалённом солнцем автобусе и на лавке под тополем поганого Торчкового самогона болела голова и начинало тошнить. Едва он закрыл глаза как доносившийся с плаца шум сборов и храп Пети Жуковского стали восприниматься как нечто далёкое и совсем не мешающее погружаться в такой сладкий, тёплой мягкой ватой окутывающий сознание сон.

Он уже почти заснул, когда отчётливо услышал свою фамилию. Мурчик машинально сказал: «Да», – пришёл в себя и под окрик склонившегося над ним с бумажкой в руке очкастого фраера-лейтенанта: «Ты чего тут разлёгся, как собака? Встать!» – открыл глаза.

Он протёр правый глаз, сел на земле и покачнулся – самогон и солнце давали о себе знать.

– Товарищ капитан, нашёл! Здесь он! Вот он! – тряся мятой бумажкой радостно крикнул лейтенант стоящему невдалеке перед шеренгой из девяти призывников капитану, с лицом, как будто сошедшим с висевшего на стене военкомата огромного плаката, на котором красной, белой и чёрной красками в профиль, на фоне серпастого и молоткастого флага были изображены смотрящие вдаль, стоящие уступом и упёршиеся виском в ухо впереди стоящего: моряк в бескозырке, лётчик в шлеме и кто-то третий, видимо символизирующий сухопутную армию, с рачьими глазами, медалью на груди и в немецко-фашистского покроя фуражке на длинной узкой голове.

Капитан в серой милицейской форме и стоящий рядом с ним на одной ноге, прижимающий к согнутому колену открытый портфель грузноватый, толстошей милицейский старшина-сверхсрочник кивнули головами. Старшина – круглой, капитан – узкой и длинной, покрытой немецко-фашистского покроя фуражкой. Лицом капитан был очень похож на плакатного героя с медалью, на этого третьего, в фуражке, только у того, на плакате, как и положено символу, губы были как пампушки, а у него были тонкие, крепко сжатые, опущенными уголками демонстрирующие лёгкое презрение к окружающим.

– Давай его сюда! – шевельнул губами, похожими на двух лежащих друг на друге дождевых червяков, капитан.

– А? Слышал? Бегом в строй! – сфокусировав на Мурчике линзы, закричал лейтенант.

– В какой, – не понял Мурчик, – строй?

– Вон в тот! Покупатель за тобой приехал и формирует команду.

– То ж милиция. В вытрезвитель команду, что ли?

– Не милиция то. Иди!

– А они? – Мурчик огляделся по сторонам, но возле него из тех, кто с ним сюда приехал, лежал только пьяный Прун, – они разве не со мной?

– Не с тобой.

Мурчику вдруг стало одиноко. Даже эти, кроме Васьки Клюева, вообще не знакомые ему парни, с которыми его привезли сюда, на сборный пункт, с которыми они выпили и вроде подружились, оказывались не в его команде.

Он присмотрелся к строю своих будущих сослуживцев и среди всех девяти не увидел ни одного знакомого лица. Он перевёл взгляд в сторону, на плац. Там перед офицерами разных родов войск, стоящими со списками в руках, толпились новобранцы, и после того, как громко назывались их фамилии, они отзывались, собирались в разного размера группы и готовились

уехать туда, куда повезёт их «покупатель» – на защиту границ великого и нерушимого Советского Союза.

Нагловатый самоуверенный Игорь сверкал золотым зубом в центре плаца в группе из человек двадцати, сидевших на своих пожитках перед немолодым капитаном, с пушечками в чёрных петлицах и строгим озабоченным лицом, что-то своё доказывающим заместителю начальника сборного пункта, размахивая списками то перед его невозмутимым лицом, то в сторону новобранцев.

Ближе к воротам, в тени здания, среди полутора десятков таких же, как и он, нетрезвых, одетых кто во что гаразд парней, полукольцом улёгшихся на горячем асфальте вокруг сидящего на чьём-то чемодане простоволосого мордатого сержанта с голубыми погонами, лежал возле своего вещмешка пьяненький Васька Ключев. Он с удовольствием ковырялся в носу и увлечённо слушал разглагольствования сержанта, которые тот сдабривал интенсивной жестикуляцией.

«Голубые погоны! Неужели десантура? Во, повезло Ваське!» – с завистью подумал Мурчик.

Все парни, когда их для проформы спрашивали на призывных комиссиях в военкомате, где они хотели бы служить, отвечали, что служить мечтают только в воздушно-десантных войсках. Мурчик не был исключением, но несколько прыжков с парашютом имел только лежащий под лавкой в отключке Прун, и почему в десантниках оказался плюгавый Васька, а не Прун или он сам, Мурчику было непонятно и даже обидно.

Он успокоился, когда голубопогонному сержанту стоящий неподалёку капитан в фуражке с голубым околышем, с длинным, похожим на лицо арабского скакуна лицом, прервав оживлённый весёлый разговор с майором внутренних войск, взмахнув рукой, крикнул:

– Мукосеев!

– ...косеев! – долетело до Мурчика.

– Я! – мордатый сержант встал и одел на голову не голубой берет, а пилотку.

«А, всё понятно, это летуны!» – игла зависти выскочила из сердца Мурчика, и он с облегчением отвернулся от авиаторов.

– Кому чухаемся? – блестя позолоченной дужкой на очках и глядя поверх неё в разные стороны, заорал на него косой лейтенант, – почему сидим? Ты привыкай по команде всё делать в мгновение ока, а не то будешь получать, как сидорова коза. Давай, вставай и иди в строй! Вставай, не стесняйся, тут все свои!

– Что? Что? Что? Я не ослышался? Лейтенант, вы его уговариваете? – скривил загорелое лицо милицейский капитан, уставясь в сторону Мурчика, – а ну ты, вошь колхозная, я засекаю время: вскочил, два прыжка, две секунды, и ты в строю! Время пошло!

Капитан дёрнул правой рукой, обнажая запястье, на которой на дорогом кожаном ремешке блестели часы «Командирские».

– Чего сидишь? Беги к капитану! – ещё ниже наклонил голову к растерявшемуся Мурчику лейтенант.

– Не торопится, – тихо сказал старшина у капитана за спиной.

– Это он напрасно. Да, дядя! Вижу, над тобой надо будет поработать, – крикнул капитан, – ничего, поработаем! Ты у меня скоро будешь бегать, как в жопу раненный мустанг! По потолку! Круглые сутки! Я тебя наклоню. До земли наклоню! Вот, вот так вот, до самой земли! На тебе шкура будет трещать, скот! Две секунды, бегом сюда!

Мурчик с трудом поднялся. Его руки и ноги дрожали и не слушались, в голове гудел мутный Игорев самогон и ещё что-то, он пока не мог понять что, и от этого «что-то» где-то в глубине мозга зарождалась злость. К такому обращению не привык. Это он скот? Почему? Да, такого начала службы он не ждал.

Он был в семье младшим, любимым и долгожданным: его и старшего брата разделяли десять лет. Он рос сам по себе, особо не страдая от родительской опеки. Им было некогда его

контролировать – они работали. Отец в шахте, мать – швей в ателье. В семье ссоры были обычным делом: отец часто выпивал с многочисленными коллегами по работе, то по поводу ухода кого-то из бригады в отпуск, то по поводу из него прихода, и трёхлитровые «бутылки» с самогоном шли бесконечной чередой. И хотя мать на него пьяного постоянно кричала: «Ско-тина! Кровосос!» – и что «он жизнь ей погубил», но когда отец трезвел, они всегда находили общий язык. До следующей скорой отцовской пьянки. Мурчика ссоры обходили стороной – его любили. Хотя родители и на него иногда покрикивали, не без этого, но без злобы, только для порядка, и он рос равным среди равных, понятия не имея, что такое унижение.

И вдруг он узнал. Узнал остро, в один миг. Какой-то вшивый милицейский офицеришка обозвал его скотом, и именно за то, что он как раз и не поступил, как дрессированный скот – не подбежал к нему, виляя хвостом, по первому свистку! И за это его будут наклонять? Делать из него этого самого наклонённого скота? А разве в армии делают скотов, а не солдат? Неужели это та армия, защитница Родины, мирного её сна, в которую он так стремился? Неужели это у нас такая армия? Армия наклонённых? Зачем? А где же?..

Он был воспитан на советских фильмах, где всё в Советской армии изображалось умным и романтичным, где солдаты под руководством лопающихся от благородства офицеров с умным прищуром глаз, защищая Родину от врагов, бежали в атаку на извергающие огонь доты и дзоты и прикрывали своим телом от огня командиров... И он был готов бежать на эти дзоты, он об этом мечтал и в это верил всем сердцем... Он и сейчас готов был идти в атаку... Но как прикрывать в бою вот этого неизвестно за что ненавидящего его капитана? Как?

Что-то треснуло в душе Мурчика, и всплыли в памяти рассказы вернувшегося на дембель из морской авиации брата о царящем в армии беспросветном, махровом идиотизме, об идиотских приказах, ворюгах-прапорщиках, пропойцах-офицерах, дураках-генералах, о мытых мылом плащах и крашенных краской листьях на деревьях, рассказы, которым он тогда ни за что верить не хотел.

– Не может в Советской армии быть идиотских приказов, потому что там нету идиотов! Нету!

– Нету идиотов? Да полно! – кипятился брат, – армия – это инкубатор идиотов, заповедник! Ну ничего, скоро поверишь!

И вот, это «скоро» пришло. Прошло всего четыре с небольшим часа от момента, когда он покинул дом и отправился служить в армию, и пять минут от начала тесного общения с тамошними обитателями, а Мурчик уже верил.

– Ко мне-э! – пропел капитан.

Но служить-то надо начинать – выбора не было, и Мурчик неспеша собрал пожитки, встал и пошёл.

– Да он пьяный! – апеллируя к старшине, капитан вытянул в его сторону палец, ещё ниже опустив уголки тонких губ, – пьяный и борзый! По команде «бегом!» пешком ходит! Оборзел?

Старшина пожал плечами и кивнул головой.

– Оборзел!

Мурчик подошёл и остановился. Капитан в упор уставился на него и сделал глаза бараньими.

– Непрэ-эвильно! – заблеял он, – непрэ-эвильно! Повторим упражнение. Ты, скот, – капитанов палец упёрся Мурчику в грудь, – вернулся на то место, где валялся, и по команде «ко мне» не пришёл, а прибежал сюда бегом, за две секунды. Я засекаю время. И так, для начала пять раз! Вперёд!

– Зачем?

– Что зачем?

– Зачем это, пять раз? – Мурчик красноречиво посмотрел на капитана, как нормальные люди смотрят на дураков, и не шевельнулся.

– Вперёд! – заорал капитан, – без лишних разговоров! Вперёд!

Закончивший трудный разговор с туповатым артиллерийским капитаном и теперь шедший к окружившей высокого старшего лейтенанта группе призывников майор Лемешев услышал возле лавочек крик и остановился. Он посмотрел сперва на старшину в милицейской форме, потом на стоящего чуть сбоку своего непосредственного подчинённого – очкастого фразера-лейтенанта, как цирк смотрящего на общение капитана с Мурчиком, и подошёл ближе.

– Что тут происходит? – спросил он.

Лейтенант отвлёкся, поводил очками из стороны в сторону, нащупал разбегающимся взглядом майора, расплылся в улыбке и сказал: «Цирк!»

– Вперёд! – орал капитан.

– Я что-то должен сделать? – спросил Мурчик у выглядывающего из-за спины капитана старшины.

Ему почему-то показалось, что старшина умнее капитана. Старшина кивнул.

– Вернись туда, где лежал.

Мурчик пожал плечами, развернулся и пошёл к лавочкам.

– Вещи тут оставь, – сказал старшина.

– С вещами! – крикнул вслед капитан, – с вещами и бегом!

Но Мурчик шёл шагом. Он подошёл к лавочке, посмотрел на спящего Пруна, утопившего в грязь лицо Женю, улыбнулся, развернулся и пошёл назад. Неспеша, с улыбкой, шагом. Капитан покраснел и растянул воротник рубашки.

– Бегом! – хрипло заорал он.

Мурчик упрямо шёл шагом.

– Ничего, приедем в часть, я тобой лично займусь, паскуда, лично! – капитан расстегнул пуговицу на кителе.

Мурчик молчал и голову не опускал. Это капитана разозлило ещё больше.

– Ты, – зашипел он, – ты там у меня шёлковый станешь и ходить вообще разучишься! Только бегом будешь передвигаться, бегом, ползком и прыжками! Я тебя к себе в любимцы уже считай записал! Кру-гом! Начнём сначала! Повторение – мать учения. Бегом вернулся к лавке и бегом прибежал сюда! Бегом! Две секунды! Бегом! Это приказ!

Мурчик пожал плечами, развернулся и пошёл. Шагом. Не из дурного упрямства, если бы надо было бежать в атаку, он бы побежал, а бегать только потому, что у какого-то капитана не в порядке голова, быть собачкой – «фас», «принеси»... извините, но нет. Он шёл в солдаты, а не в тузики. Мурчик не был такой смелый и принципиальный, просто он был молодой и ещё пьяный и поэтому просто не догадывался, чем ему в ближайшем будущем, в части, грозит только что приобретённая им «любовь» капитана.

– Бегом!

– Может, его заменим? Другого возьмём? Зачем нам возиться с такими? – тихо спросил старшина у трясущегося от возбуждения мелкой дрожью капитана, как волк глядящего, как Мурчик медленно шёл к лавочкам, – зачем он нам такой? Я бы не взял.

– Поломаем!

– Мне в роте только лишняя головная боль, – недовольно пробурчал старшина.

– Им я займусь лично, а вы, старшина, исполняйте свои обязанности и не лезьте не в своё дело! Понятно?

– Так точно!

– Ты! Ко мне!

Мурчик не торопясь подошёл.

– А теперь, скот, опять бегом к лавке! За две секунды! Для тупых будем повторять упражнение, пока не усвоим!

Мурчик стоял и не шевелился. Он уже два раза сходил туда-сюда и больше дурацким приказам решил не подчиняться.

– Что, припух? Борзый? – капитан неприятно рассмеялся. – Ты думаешь, ты у меня первый такой борзый? Я и не таких козлов обламывал! И с тобой цацкаться не буду! Я тебя научу Родину любить. Последний раз повторяю, бегом! Бегом!

Мурчик упрямо наклонил голову и, несмотря на крик ставшего уже красным от натуги капитана, стоял на месте.

– Стоишь? Не хочешь бежать? Ну и не надо! – капитан снял фуражку и оглянулся, показав Мурчику напоминающую тонзуру, размером почти с ладонь, контрастно выделявшуюся среди чёрных густых волос жёлтую плешь. – Хорошо! Попробуем по другому. Я тебе даже слова больше не скажу, а ты будешь бегать туда-сюда сам, по своей инициативе. Не веришь? Армия – это коллектив, где за одного дурака отдувается вся рота. Вот сейчас, вот эти твои новые сослуживцы, – капитан небрежным взмахом руки, показал на девятерых призывников, стоящих за ним в шеренгу, – по моему приказу будут приседать. Приседать будут долго, упорно и мучительно, и до тех пор, пока ты сам, заметь, сам, не побежишь! И прекратят они приседать только после того, как ты научишься бегать и пробегать дистанцию за две секунды! Ты понял? Я буду молчать, а они – приседать! Молчишь, плесень? Ага, ты думаешь, что ты будешь мне гонор показывать, а они будут приседать молча? Нет, когда они наприседаются, я отвернусь, а они быстренько тебя научат бегать! Моментально! Веришь? Тут два варианта: или ты бегаешь – они стоят, или ты стоишь, а они приседают. До упаду! – вдруг заорал капитан, – бегом!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.